

«АДЖИМУШКАЙ».

СПЕКТАКЛЬ

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

...22 февраля 1981 года полнялся занавес на сцене Крымского украинского театра драмы и музыкальной комедии, и ожили картины осадных дней и ночей Аджимушкай, образы защитников каменоломен.

То, что входило в жизнь, в сердце, в память, выстраивалось в стихотворные строки, в детали осадного быта, становилось поэмой о павших, ради того, чтобы спросить у живых: «Достойны ли мы памяти погибших?»

Соавторами поэмы стали композитор, режиссер, актеры, все работники театра, прикоснувшиеся душой к подвигу Аджимушкай.

И всем нам было страшно перед тем, как поднимался занавес, после того, как он опускался.

Что скажут живые свидетели, герои обороны подземной крепости?

А зрители? Молодые люди, которым многое непонятно в былой военной жизни, молодые и уже немолдые современники послевоенных лет, не знающие цену капле воды и крошке хлеба, не жившие под пристальным прищелом смерти. Поймут ли они?

...Камни, глыбы, тяжело нависшие над головами. Каменные стены. И под ногами камни. И между глыбами, в самом центре, — круги прицела. Вся жизнь защитников подземелья ежеминутно, ежесекундно вод прищелом смерти. И тогда, когда тоскующая о мирных днях память наполняет душу воспоминаниями о детстве и юности, о любви и радостях земных, за кругами прицела возникают во всем белом танцующие пары. Даже воспоминания о мирных днях под прищелом смерти!

«Нам силась вода», — говорит летчик Ладыгин, и выстраивается печальная пирамида. Тянутся к воде руки, консервные банки, котелки. Тянутся руки в надежде на капельки влаги на отсыревшей глыбе. На самой вершине пирамиды — фигурка мальчика, его молящие ручки. При потрескающей силе музыки безмолвная картина мук, переносимой людьми, как живой плакат.

Когда в финале актеры, только что исполнявшие роли солдат, уходящих на смерть, умирающих от ран и голода, задыхающихся от воздуха по камням газа, выходя в строгих костюмах мирных людей, преклоняют колена и возлагают на камни, ставшие надгробием, фуражки, аплодки, каски своих героев, а девочка в белом платице ста-

вит у камня куклу, спазмы сжимают горло.

«...Режиссер — постановщик — заслуженный деятель искусств В. Ясногородский, художник — заслуженный художник А. Лагно, дирижер — М. Антоненко, балетмейстер А. Котляренко, ассистент режиссера — С. Служенная артистка М. Марьяновская...»

Не так, как обычно, читаю теперь на афишах имена тех, кто ставит и оформляет спектакли. Кажется, только сейчас по-настоящему открылось мне чудо их труда, их творчества.

Музыка Алемдара Караманова. Может быть, это она возвышает были, правду о подвиге до легенды. Точно найдена каждая нота, вся музыка с ее тонкими переходами, меняющимися интонациями, то мягкая, светлая, то трагическая, то мужественная, соединяет картины осадного быта, раскрывает раздумия героев поэмы, движение их сердец.

Когда наступает давящая сердце тишина подземелья, говорит только музыка. Как выразительно продолжает она разговор!

...

Перед премьерой почти после каждой репетиции шли обсуждения. Я слышал претензии, предъявляемые к исполнителям роли Шуры — актрисе Екатерине Лысяк. Мне же всегда хотелось подойти к ней и сказать: спасибо! Я увидел в ее исполнении простодушное, доброе существо, полное сострадания к горю людей, большой и чистой любви. Правдива она в порыве прикрыть собою девочку, принять на себя ее муки, утешить, спасти мать, умирающую от жажды.

Правдива ее Шура в радостном своем удивлении, когда узнает, что Ладыгин рассказал о ней Комиссару, в своей тоске по ушедшему в неизвестность, навстречу смерти летчику.

Милосердие — ее призвание. В темноте подземелья осветила ее любовь. Так и высветляется в спектакле образ Шуры...

Каждый из актеров внес в спектакль что-то неожиданное, свойственное его характеру, его восприимчивости жизни, его отношению к ней. Мне кажется теперь, что именно такими и должны быть герои поэмы, какими увидел их на сцене.

Но такими ли были они в жизни?

— Такими мы были там, ну,

точно такими, даже не верится, что это актеры. — сказала мне керчанка, бывшая сдружница Анна Александровна Теренко.

...Не помню я такой проникновенной тишины в зале, как на спектаклях в Керчи. Со мною рядом сидели мои товарищи, писатели Василий Маковецкий и Наум Славин. Они — керчане, душой пристрастны к Аджимушкаю, много знают о подвиге, людях, совершивших его. Что скажут они о спектакле? — думал я, рассматривая на них. И видел, как «держал» их спектакль. Василий Маковецкий, не очень щедрый на слова, тем более на похвалы, — сказал:

— Хорошо. Впечатляет. Точно найден жанр. Спасибо. Наум Славин так передал свои впечатления:

— В каменоломнях, — когда я бывал там, — мне всегда не хватало людей. Тех, кто перенес все это, аджимушкайцев. Я увидел их на сцене. И аджимушкайцев буду представлять такими, как летчик Ладыгин в исполнении Владимира Марченко.

И еще он сказал: — Невозможно постигнуть всего, что произошло в Бресте, Ленинграде, в Аджимушкае. Спектакль поднял меня на ступень, еще на одну ступень к постижению этого удивительного подвига.

По-разному встретили спектакль. Разное говорили о нем. «Это — правда», — сказали аджимушкайцы. Видел я молодых людей, пожилых и седлых зрителей, захваченных тем, что происходило на сцене.

Мне рассказывали после спектакля в Керчи: в первом ряду сидел седой человек, на верное, ветеран войны. Он плакал.

— Вы плачете? — спросила сидящая рядом женщина.

— Плачу, — ответил он. — Я счастлив.

Может быть, это — самая высокая оценка спектакля.

Б. СЕРМАН

На снимке: сцена из спектакля «Аджимушкай».

Фото Н. Сизоменко.

Крымский театр драмы, Симферополь, 1981, 20 лет